

От таких просьб Се Боюань не мог отказаться, и ему пришлось взять коробку и положить её поверх груды остальных подарочных коробок.

Се Боюань до сих пор помнил, что та девушка была очень красива — в абрикосово-жёлтом платье-футляре, с изящным лёгким макияжем, от неё пахло сладкими духами. Казалось, она была богиней в сердцах многих парней. Такой девушке, наверное, стоило бы понравиться Шэнь Чуню.

Се Боюань открыл бутылку и налил себе в стакан. Вкус байцзю был слегка горьковатым с привкусом сладости — напиток легко сбивал с ног, но он нарочно напивался, так что ничего страшного.

Если не напиться, в этот праздник семейного единения его поглотит одиночество.

В детстве его родители развелись, и за ним присматривали бабушка с дедушкой. У стариков изначально было крепкое здоровье, но по мере того, как он рос, они постепенно старели. Дедушка ушёл, когда он учился на первом курсе старшей школы, из-за болезни. После этого бабушка старела всё быстрее.

Потом она часто говорила ему, чтобы он в будущем нашёл красивую девушку, создал семью и родил красивого внука.

Се Боюань тогда не мог ей этого обещать — просто отмахнулся, но бабушка поняла правду.

Она не разгневалась и не подумала, что он её опозорил. Она всегда была мягкой — только спросила, не из-за родителей ли он любит парней.

Се Боюань помнил, что тогда ответил «нет».

Бабушка тогда, наоборот, улыбнулась и сказала ему: «Ну и хорошо, тогда найди себе красивого парня, чтобы был рядом».

Но человек, которого он любил, не любил мужчин.

Се Боюаню казалось, что он уже опьянел, иначе бы не услышал, как за дверью стучит Шэнь Чунь и зовёт: «Президент, откройте».

Ужин в доме семьи Шэнь и правда был очень обильным, но Шэнь Чунь ел мало. Мать Шэня тоже любила красоту и ела, как птичка, а закончив есть, сразу убежала, оставив отца Шэня беспомощно чокаться с двумя дедушками.

Старики ложатся рано. Только пробило восемь часов, как бабушка и прабабушка Шэнь Чуня уже улеглись. Отец Шэня остался с дедушкой и прадедушкой, а мать Шэня договорилась встретиться с подругой, нарядилась, повесила на плечо сумку, подаренную сыном, и с воодушевлением собралась пройтись по магазинам. Шэнь Чунь, естественно, попросил её подбросить его до школы.

— Зачем тебе в школу в такой поздний час?

— спросила мать Шэня, ведя машину.

— Завтра бабушка и прабабушка не увидят тебя, будут скучать.

Хотя мать Шэня тоже любила сына, её собственная мать любила её сына ещё больше, и дочь иногда немного ревновала.

Какой бы взрослой ни была дочь, перед матерью она всегда остаётся ребёнком.

— Догоняю кое-кого, — усмехнувшись, сказал Шэнь Чунь.

Мать Шэня цокнула языком и рассмеялась: — Ладно, мой сын молодец.

Машина остановилась у школьных ворот. Шэнь Чунь вышел с подарочной коробкой в руках, попрощался с матерью и вошёл в ворота.

На территории школы висели фонари. Красные фонари добавляли праздничного тепла. Изредка можно было заметить парочку влюблённых, проходивших мимо и воркующих. Свет был не слишком ярким, так что мало кто заметил, что это Шэнь Чунь.

Шэнь Чунь всю дорогу шёл к общежитию быстрым шагом. Когда он почти подошёл к двери, то увидел стоящего у двери его комнаты и стучащего Сюй Цзэ: «Президент, вы здесь?»

В руках Сюй Цзэ была коробка с лунными пряниками — не ледяными, а с пятью видами начинки, которые в последние годы прочно заняли первое место в списке самых ненавистных лунных пряников. Но Се Боюань их любил.

Потому что у его бабушки он с детства ел именно такие — с большим количеством сахара и с зелёными и красными нитями.

В праздник Середины осени людей, даривших Се Боюаню лунные пряники, было много. Сюй Цзэ был лишь одним из них, но, кроме него, никто точно не дарил бы с пятью начинками, поэтому он стал самым особенным.

Когда кто-то покушается на человека, который тебе интересен, это действительно немного неприятно. Это чувство не связано с любовью — просто срабатывает собственнический инстинкт.

Шэнь Чунь немного подумал, подошёл и с улыбкой спросил: «Однокурсник, ты пришёл передать президенту лунные пряники?»

Сюй Цзэ поднял голову и, увидев, кто это, инстинктивно отступил на шаг и заикаясь ответил: «Да, да».

— Президента, возможно, нет на месте. Если не возражаешь, я могу передать за тебя, — улыбнулся Шэнь Чунь.

Сюй Цзэ на мгновение заколебался, но всё же передал коробку в руки Шэнь Чуню и сказал: «Спасибо».

— Не за что, — ответил Шэнь Чунь.

Сюй Цзэ развернулся и ушёл. Шэнь Чунь по привычке полез в карман за ключами, но, когда его пальцы коснулись пустого кармана, он тихо присвистнул.

Когда он шёл домой, он брал ключи, но потом переоделся, и ключи, должно быть, остались в том кармане.

521 заметил состояние хозяина, осторожно нажал кнопку спуска затвора фотоаппарата и аккуратно убрал его. Это, должно быть, то, что продвинутая система называет «чёрной историей».

Забыть ключи — такое редко случалось с Шэнь Чунем. Надо было проверить перед выходом, но сейчас возвращаться за ними нельзя, остаётся только...

Шэнь Чунь зажал коробку под мышкой и постучал в дверь: «Президент, откройте».

Се Боюаню показалось, что это галлюцинация, но он всё равно встал и, слегка пошатываясь, подошёл к двери.

В праздник Середины осени Шэнь Чунь должен быть только с родителями и семьёй — откуда ему взяться в школе?

Дверь распахнулась. Когда Се Боюань увидел стоящего на пороге человека, стоящего против света, его зрачки сильно расширились. Но после мгновенного удивления он опёрся рукой о стену, отпустил ручку двери и горько усмехнулся: «И правда, напился до чертиков».

В комнате общежития свет не горел, только смутный красный свет просачивался снаружи через окно. В лицо ударил чрезвычайно густой запах алкоголя, а также человек, который, открыв дверь, прислонился к стене, полуприкрыв глаза.

Его обычно холодное лицо покраснело, в полуприкрытых глазах поблёскивала влага, которой обычно не было — будто он плакал. Шэнь Чунь присмотрелся, но слёз не было.

Повсюду разлился запах байцзю. Шэнь Чунь услышал звуки шагов в коридоре и, чтобы завтра новость о том, что президент студсовета напился с горя, не попала на первую полосу форума, подхватил его под руку, лежавшую на двери, и, войдя, заодно закрыл дверь.

Из-за резкого движения лунные пряники, зажатые в руке и под локтем, упали на пол. В комнате стало совсем темно. Шэнь Чунь прислонился спиной к двери, а голова Се Боюаня уткнулась ему в плечо, слегка выдыхая алкогольные пары.

— Стемнело...

— Се Боюань обхватил его за талию.

— Мм, — ответил Шэнь Чунь, покосившись.

— Стемнело. Я собирался прийти и отпраздновать с тобой Середину осени, а ты напился в стельку.

— Не называй меня президентом. Меня зовут Се Боюань.

— Слова Шэнь Чуня задели какую-то струну в душе Се Боюаня. Он поднял голову, опёрся руками и посмотрел на Шэнь Чуня. В его глазах было невыразимо сложное чувство.

— Почему ты не называешь меня по имени?

Он не хотел быть просто другом. Он хотел попытаться приблизиться. Сияющее солнце не может принадлежать одному человеку, но он хотел, чтобы оно принадлежало только ему.

— Потому что «президент» звучит очень соблазнительно, — улыбнувшись уголками губ, сказал Шэнь Чунь.

Это звучало гораздо приятнее и интимнее, чем имя.

Свет снаружи был неярким, но его хватало, чтобы Се Боюань разглядел глаза Шэнь Чуня. Ему казалось, что он действительно пьян, иначе откуда бы ему видеть такие глубокие глаза и слышать такие двусмысленные слова. Пальцы Се Боюаня коснулись лица Шэнь Чуня, легко провели по его глазам, снова и снова поглаживая уголки глаз: «У тебя красивые глаза».

— А не хочешь поцеловать их, чтобы проверить?

— понизив голос, соблазнительно спросил Шэнь Чунь. В этот момент его шёпот напоминал сирену, заманивающую корабли на скалы.

Се Боюань сглотнул, его кадык дёрнулся вверх-вниз. Он схватил Шэнь Чуня за воротник, но поцелуй в уголок глаза был очень нежным.

Глаза Шэнь Чуня слегка дрогнули, ресницы коснулись уголка губ. Он прижал руку к груди Се Боюаня. Сердце там билось бешено, рассказывая о любви этого человека к нему.

Любовь — это то, что можно легко получить с помощью некоторых уловок и внешности. Другой человек сделал бы то же самое — она не уникальна. Но раз он здесь, и этот человек любит его, пусть любит глубоко.

Первая любовь? Кажется, не так волнительно, как он себе представлял, но и неплохо. В конце концов, он его не подведёт.

Шэнь Чунь обхватил Се Боюаня за талию, развернулся и прижал его к двери, а затем поцеловал в губы.

Мягко и с привкусом байцзю. Всё-таки приятно.

Поцелуй не был глубоким. Когда Шэнь Чунь отпустил его, Се Боюань уже спал у него на плече. Его щёки покраснелись, во сне он не выглядел таким холодным и жёстким, как наяву, а, наоборот, казался по-детски безобидным.

Если сравнивать по возрасту, Се Боюань для него действительно ещё ребёнок.

Как старший, он должен уступать и баловать своего молодого и неопытного возлюбленного.

Шэнь Чунь поднял его на руки. Вес в сто тридцать с лишним цзиней поднимался легко.

Рост Се Боюаня был как минимум сто восемьдесят один сантиметр, так что сто тридцать с

лишним цзиней считалось ещё лёгким весом.

Уложив его на кровать, переодев в сухую одежду, вытерев лицо и руки, Шэнь Чунь поставил таз рядом с кроватью Се Боюаня. Посмотрев на обе кровати, он немного подумал, всё же принял душ и лёг на свою кровать.

После пробуждения от опьянения у всех реакция разная. Ему было интересно, какой будет реакция Се Боюаня, когда тот проснётся.

Се Боюань пил культурно — заснул, и всё, не вставал ночью и его не тошнило, вёл себя очень спокойно.

Когда Шэнь Чунь проснулся утром, тот всё ещё глубоко уткнулся лицом в подушку. Подумав, что он вряд ли проснётся так рано, Шэнь Чунь переоделся в спортивный костюм и отправился на утреннюю пробежку.

□Хозяин, поздравляю с расставанием с холостяцкой жизнью! Конфетти!□ — 521 взволнованно имитировал разбрасывание конфетти.

Должно быть, потому что его зовут 521, первое задание хозяина связано с любовью. Ему не место в отделе разрыва связей — ему нужно быть в отделе красных нитей, чтобы соединять судьбы.

□Спасибо.□ — улыбнулся Шэнь Чунь.

□Интервью: что хозяин любит в Се Боюане?□ — продолжил 521.

□Красивое лицо.□ — ответил Шэнь Чунь.

□А ещё?□ — не унимался 521.

□Разве красивого лица недостаточно? Требовательный какой, система, вечно тебе мало.□ — цокнул языком Шэнь Чунь.

521 почувствовал себя подставленным, 521 обижен, 521 в негодовании: □Я нет.□

□Если есть лицо — этого достаточно. В делах и в жизни нужно уметь довольствоваться малым. Довольство приносит радость.□ — улыбнулся Шэнь Чунь.

521 принял к сведению и старательно записал в блокнот.

Когда Се Боюань проснулся, у него сильно болела голова. Он хотел перевернуться и встать, но в голове промелькнули какие-то отрывки.

Шэнь Чунь приходил прошлой ночью? Он прижал его к двери, сказал, что у него красивые глаза, и они целовались?!

От этих отрывков сознание мгновенно прояснилось. Се Боюань инстинктивно посмотрел на соседнюю кровать и, увидев чистую и аккуратную постель, на мгновение не понял, вздохнуть с облегчением или разочароваться.

Значит, он напился и ему приснился эротический сон?

Се Боюань провёл рукой по лицу и вздохнул. Он собирался взять телефон, чтобы проверить время, но наткнулся на стоящий на столе стакан с водой и блистер с таблетками.

«Налоксон, средство от опьянения...»

— прочитал Се Боюань надпись. Он взял термोकружку, открутил крышку и, обнаружив внутри тёплую воду, на мгновение потерял нить мыслей.

И как раз в этот момент дверь общежития открылась снаружи. Шэнь Чунь, вытирая пот с тела, вошёл внутрь. Увидев сидящего на кровати в оцепенении человека, он улыбнулся: «Президент, доброе утро».

Тот же голос, что и прошлой ночью, то же обращение, но другие слова.

«Потому что „президент“ звучит очень соблазнительно...»

Этот шёпот всё ещё звучал в ушах. Се Боюань вытаращил глаза на Шэнь Чуня, который собирался войти в ванную: «Когда ты вернулся?!»

Шэнь Чунь слегка шевельнул бровью и с невинным видом ответил: «Прошлой ночью, а что?»

Глава 13. Школьный кумир — сверхвысокомерный (13)

Се Боюань никак не мог понять, было ли это сном или его мечта действительно сбылась. Но если Шэнь Чунь действительно говорил ему те слова и делал те вещи прошлой ночью, то его нынешнее отношение было слишком спокойным.

— Президент, ты вчера так много выпил, у тебя было плохое настроение?

— Шэнь Чунь сменил направление, подошёл с полотенцем на плече.

— Если бы я не пришёл прошлой ночью, президенту пришлось бы спать на холодном полу. Простудился бы — было бы плохо.

Президент, президент, президент... Се Боюань снова и слышал это обращение, вспоминая ту фразу из сна. От неё у него замирало сердце, но он не хотел, чтобы оно замирало, поэтому мог только холодно остановить его: «Впредь не называй меня президентом».

— Почему?

— в глазах Шэнь Чуня мелькнуло недоумение.

Се Боюань на мгновение не знал, как объяснить, и мог только сказать: «Президент — это слишком официально. Впредь называй меня по имени».

— М?

— Шэнь Чунь задумчиво хмыкнул, затем улыбнулся.

— Но «президент» звучит так соблазнительно...

Как только эти слова сорвались с его губ, Се Боюань резко поднял голову, но наткнулся на опустившиеся губы Шэнь Чуня. Лёгкий поцелуй. Шэнь Чунь усмехнулся и сказал: «Президент, доброе утро».

<http://bllate.org/book/15476/2151175>